

Е.А. Белов

**Московские смуты в конце
XVII века**

**Розыскные дела о Федоре
Шакловитом и его сообщниках**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.А. Белов**
Московские смуты в конце XVII века: Розыскные дела о Федоре Шакловитом
и его сообщниках / Е.А. Белов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 98 с.

ISBN 978-5-518-05855-2

ISBN 978-5-518-05855-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лодкій, защитникъ римскаго образованія, завелъ Спасское училище для молодыхъ людей приказа тайныхъ дѣлъ. Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, яснѣ всего выразилъ разницу того и другаго направления и потребности критическаго отношенія къ прошлому, которая обнаруживалась въ лучшихъ умахъ того времени. Онъ сильно порицаетъ русскихъ грамотѣевъ за безусловную вѣру въ грековъ, отъ которыхъ они все принимали безъ повѣрки, яко младенцы. „Увы“, говоритъ Медвѣдевъ, — „нашему такому неразумію вся вселенная смѣется! Не точію та, но и сами тѣ нововыѣзжіе греки смѣются и глаголютъ: Русь глупая, ничтоже свѣдущая. И неточію тако глаголютъ, но и свиніями насъ быти нарицають, вѣщающе сице: мы куда хоцемъ, тамо духовныхъ сихъ и обратимъ, видимъ бо ихъ ничто самихъ знающихъ и намъ яко безсловесны суще, во всемъ, въ немъ же хоцемъ, послѣдствуютъ“.

Оставивъ въ сторонѣ спеціальность богословскихъ споровъ¹⁾, вызвавшихъ горькія слова С. Медвѣдева, мы видимъ въ нихъ весьма важное проявленіе въ жизни русскаго народа, пробужденіе сознанія въ необходимости работы собственнаго ума, въ необходимости критики, дабы не уподобиться дѣтямъ, принимающимъ все на вѣру и не различающимъ важное отъ неважнаго, главное отъ побочнаго. С. Медвѣдевъ былъ выдающеюся личностію въ концѣ XVII вѣка; его тяготило младенчески-рабское состояніе умственной жизни русскаго человѣка; его тяготила та умственная подавленность наша, въ которой онъ винилъ грековъ; онъ сталъ искать выхода и находилъ его въ сближеніи съ западомъ; но онъ былъ человѣкъ исключительно богословскаго образованія, и притомъ принесеннаго его учителемъ Симеономъ Полоцкимъ изъ Польши, изъ страны католической; поэтому мудрено ли, что и выходъ къ самостоятельному образованію онъ видѣлъ въ сближеніи съ Римскою церковью? Но до какой степени Сильвестръ Медвѣдевъ желалъ сближенія съ Римскою церковью, желалъ ли онъ изъ Рима заимствовать только науку, не находя въ ней ничего опаснаго для Греческой церкви, или мечталъ о соединеніи церквей—дѣло далеко не рѣшенное и для нашей задачи второсте-

¹⁾ Вопросъ шелъ о времени пресуществленія святыхъ даровъ, то-есть, о томъ, когда хлѣбъ и вино пресуществляются въ тѣло и кровь Христову, тогда ли, когда священникъ произноситъ слова: „и сотвори убо“, или тогда, когда священникъ произноситъ слова: „примите и ядите“. Последнее толкованіе заслужило въ послѣдствіи преслѣдованіе, какъ католическое мнѣніе, и названіе *амфибоположной ереси*. Изложеніе этого спора, конечно, не входитъ въ нашу задачу.

пенное. Этотъ послѣдній вопросъ имѣлъ интересъ только временный, преимущественно церковный; для общаго же хода русской исторіи весьма важно явившееся въ обществѣ сознаніе, представителемъ котораго былъ Медвѣдевъ, въ необходимости сближенія съ Западомъ. Католическія тенденціи Медвѣдева, если таковыя у него и были, или совсѣмъ прошли безслѣдно, или оставили ничтожныя слѣды; но его указаніе на сближеніе съ Западомъ ради науки не могло пройти безслѣдно. Еще болѣе должна была оставить слѣдъ его критическая мысль, брошенная въ полусонное русское общество XVII в. Въ умственномъ развитіи народовъ всякая критика существующаго важна сама по себѣ, не смотря на ея исходный пунктъ; ея путь, хотя бы и неправильный, исправляется впоследствии.

Представителемъ греческаго образованія, въ эпоху разгара борьбы, былъ патріархъ Іоакимъ. Въ духовныхъ журналахъ за истекшее десятилѣтіе объ Іоакимѣ появилось два изслѣдованія—священниковъ Смирнова и Горскаго, которыми уяснены или вызваны нѣкоторые вопросы относительно занимающаго насъ времени. Не смотря на замѣтную въ ихъ взглядахъ односторонность, эти изслѣдователи сознаются, что время патріаршества Іоакима было временемъ поворота русскаго народа на новую дорогу, а государство Русское находилось въ весьма печальномъ состояніи, но причину того и другаго явленія они объясняютъ весьма недостаточно, и во многомъ съ ними согласиться нельзя. Отецъ Смирновъ говоритъ: „Русская мысль явилась теперь на пути къ эмансипированной дѣятельности, а между тѣмъ не обладала такою стойкостью и выработанностью (?), не имѣла принциповъ, чтобы могла твердо и спокойно идти по новоположенной дорогѣ“. Какимъ же образомъ русская мысль могла имѣть стойкость и выработанность, не имѣя принциповъ? На пути же послѣ застоя она пріобрѣсти не могла ни стойкости, ни выработанности. Кто же однако виноватъ, что въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка русская мысль не имѣла принциповъ? Съ конца X вѣка Русская земля считалась христіанскою, и вдругъ, черезъ семь вѣковъ въ концѣ XVII вѣка, въ ней не оказывается принциповъ. Авторъ такими словами желаетъ защитить суровыя мѣры Іоакима противъ его противниковъ и между прочимъ обвиняетъ русское общество за то, что при заимствованіи иноземнаго бросились на то, что было доступно ихъ духовной слабости, на мелочи. Но кто же пріучилъ русской умъ къ мелочамъ? Воспитаніе оныхъ могъ получать тогда только въ сферѣ церковной, а не въ этой ли сферѣ воспиталась приверженность къ пред-

метамъ внѣшнимъ, безъ вниканія въ сущность дѣла, неумѣнье отличать существенное отъ маловажнаго? Въ XI вѣкѣ діаконъ Кирикъ серьезно спрашиваетъ архіепископа Нифонта: можно ли въ сгратную субботу стучать яйцемъ о зубы? Въ XVII вѣкѣ поднялась цѣлая буря между прочимъ изъ-за вопроса какъ писать имя Спасителя: Исусъ или Иисусъ? Время, въ которое Іоакимъ вступилъ на патріаршій престолъ, было тяжелымъ временемъ и для церкви, и для государства. О. Смирновъ говоритъ справедливо объ упадкѣ, въ концѣ XVII вѣка, церковнаго авторитета, особенно при тишайшемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; но онъ несправедливо приписываетъ этотъ упадокъ исключительно бѣдности и зависимости низшаго духовенства, о которомъ онъ выражается такъ: „Поставленное въ неизбѣжность влачить свое жалкое существованіе, находясь нерѣдко въ рабской зависимости отъ вотчинниковъ, притѣсняемое приказными, оно подчасъ (?) забывало о высотѣ своего долга, въ исполненіи обязанностей видѣло только средства добывать насущный кусокъ хлѣба. Церковное безчестіе поэтому встрѣчалось тогда повсюду“. Авторъ не задаетъ себѣ даже вопроса: откуда же такое положеніе низшаго духовенства? Заботились ли архіепастыри вывести приходское духовенство изъ такого положенія? Этого не видно, а видно другое, видѣнь страшный деспотизмъ епископовъ; такъ Іосифъ, архіепископъ Коломенскій, наказывалъ провинившихся поповъ плетью, приказывая раздѣвать ихъ до нага и приговаривая: „бей гораздо—мертвые наши“. Особенно страшень былъ Іосифъ попамъ, когда онъ бывалъ прохладенъ, а прохладенъ онъ бывалъ нерѣдко... Кромѣ того, и положеніе высшей іерархіи было весьма шатко. Тотъ же о. Смирновъ о положеніи патріарха долженъ былъ сказать слѣдующее: „Іоакиму пришлось вступить на первосвятительскій московскій престолъ въ такой именно моментъ, когда этотъ престолъ поколебался послѣ вѣковой своей непоколебимости и уже не могъ служить лицу его занимающему достаточною опорой. Патріарху, для поддержанія его достоинства, недостаточно было автоматическаго только величія, мало было и ревниво-деспотическаго охраненія своихъ правъ; нѣтъ, его сила, его авторитетъ теперь находились въ прямой зависимости отъ его личныхъ качествъ, отъ его умѣнья стоять выше обстоятельствъ жизни, не дѣйствуя въ то же время на перекоръ ихъ историческому необходимому теченію“. Таково дѣйствительно было положеніе высшаго іерарха, и въ общемъ авторъ правъ; но въ частности его слова вызываютъ много возраженій, напримѣръ: о какой вѣковой непоколебимости патріаршаго престола говоритъ онъ? Еще столѣтія

не прошло отъ учрежденія патриаршества въ Россіи до смерти царя Алексѣя Михайловича, а въ это время первый патриархъ Іовъ былъ низверженъ, и его мѣсто незаконно занялъ Игнатій, тоже низверженный; Гермогенъ умеръ въ темницѣ съ голоду, Никонъ—въ монастырскомъ заточеніи. Авторъ сознаетъ, что въ ту пору для поддержанія патриаршаго величія недостаточно было автоматическаго величія, но развѣ его когда-либо было достаточно? Развѣ ревниво-деспотическое охраненіе своей власти спасло Никона и когда-либо и кому-либо приносило пользу? Патриархъ долженъ былъ на кого-нибудь опираться, но въ духовенствѣ, при его приниженности и кругломъ невѣжествѣ, опоры оныя найдти не могъ. Въ обществѣ? Но оно, какъ видитъ и самъ отецъ Смирновъ, не разсуждало и не знало, для чего живетъ и какъ живетъ; его жизнь всецѣло принадлежала опекающей власти гражданской и церковной. А чья же вина въ приниженности духовенства и въ общемъ невѣжествѣ? До этого состоянія и духовенство, и общество именно и доведены были ревниво-деспотическими охраненіями разныхъ авторитетовъ, печальные слѣды которыхъ какъ разъ оказались въ ту пору, когда „дѣтски беспечальное состояніе миновало наконецъ для русскаго общества“. Не лучше ли только слова „дѣтски-беспечальное“ замѣнить такими словами: „пробываніе въ тупомъ невѣдѣніи всего, что касается до человѣка и гражданина“? Съ такими обстоятельствами трудно было бы сладить и не Іоакиму, которому нельзя отказать въ характерѣ, но который лишенъ былъ образованія и проникнутъ духомъ узкой нетерпимости. Эта черта въ характерѣ Іоакима весьма много повредила сторонникамъ греческаго образованія. Въ завѣщаніи своемъ Іоакимъ требуетъ удаленія изъ службы лютеранъ и кальвинистовъ, ибо православные христіане, говоритъ онъ, — „наипаче за вѣру и за церковь Божію, нежели за отечество и дома, въ усердіи души свои полагаютъ на бранехъ въ полкахъ, никакоже шадяще жизни своей еретики же будучи начальниками о томъ не мало радятъ“. Изъ этихъ словъ видно, что патриархъ хотѣлъ остановить теченіе жизни, втиснувъ его въ предѣлы узкой церковности. При запросѣ, который выставила въ ту пору русская жизнь на науку, Іоакимъ далеко не соответствовалъ нуждамъ времени; онъ противился даже проекту славяно-греко-латинской академіи. Нѣкоторые писатели и это сопротивленіе оправдываютъ, говоря, что въ русскомъ обществѣ было крайнее предубѣжденіе противъ просвѣщенія. Отецъ Горскій („Патриархъ Іоакимъ въ борьбѣ съ расколомъ“) въ подтвержденіе приводитъ мнѣніе современника, англичанина Коллинса, который говоритъ, что русскіе не

имѣютъ никакого просвѣщенія и, видя въ наукахъ чудовище, боятся ихъ, какъ огня, оправдывая такимъ образомъ древнее изреченіе: *arg nullum habet inimicum, praeter ignorantem*. Оправданіе странное. Во-первыхъ, стремленіе впередъ, отъ тьмы къ свѣту, всегда обнаруживалось и обнаруживается въ меньшинствѣ, и лицо съ властью, становясь на сторону большинства, становится защитникомъ мрака. Патріархъ Іоакимъ очень боялся напора римскаго католицизма и искалъ спасенія тамъ, гдѣ именно была опасность, въ уклоненіи отъ науки, въ стѣ-неніи мысли. Мы имѣемъ современное доказательство конца XVII вѣка, что изъ православія часто переходили въ католицизмъ не по убѣжде-ніямъ религиознымъ, а по желанію приобрести знанія; такъ было въ Западной Руси: шляхтичъ Роговскій, въ челобитной къ патріарху Адріану, преемнику Іоакима, говоритъ: „Учась въ Польшѣ и хотя до-ступить на философію и богословію, я присягалъ на унию въ римскую вѣру для того, что тамо никого до тѣхъ высокихъ наукъ безъ при-сяги въ ихъ римскую вѣру учиться не допускаютъ“. Кто можетъ вычи-слить, сколько Роговскихъ толкнуло въ унию желаніе достучить на философію и богословію? Западная Русь искала опоры противъ католи-цизма въ просвѣщеніи, для приобретенія котораго и возникла Кіевская академія; но патріархъ Іоакимъ не благоволилъ и къ кіевскимъ уче-нымъ. Наука ему претила, астрономію онъ называлъ ересью. При кру-томъ характерѣ, изъ-за котораго его ненавидѣли раскольники, Іоакимъ обладалъ умомъ робкимъ и только въ одномъ дѣлѣ показалъ большую для русскаго іерарха XVII в. смѣлость. Мы разумѣемъ дѣло Анны Кашинской. Анну Кашинскую, въ царствованіе Василя Ивановича Шуйскаго, признали за супругу Михаила Ярославича, великаго князя Тверскаго, и объявили ея останки нетлѣнными, а ее святою. Въ цар-ствованіе Алексѣя Михайловича она была канонизована; но патріархъ Іоакимъ, въ то же царствованіе, впалъ въ сомнѣніе на счетъ этого лица; сдѣлано было изслѣдованіе, по которому оказалось, что у Ми-хаила Ярославича супругу звали Софіей, что Анна Кашинская — не великая княгиня, и что останки ея не нетлѣнны, что она не святая. Такъ рѣшителемъ былъ патріархъ Іоакимъ, говоритъ отецъ Смирновъ,— въ примѣненіи къ церковной практикѣ критическаго принципа. Только жаль, добавимъ мы,— что принципъ этотъ былъ весьма малаго размѣра. Въ тѣхъ дѣлахъ, которыя Іоакимъ понималъ, онъ былъ твердъ и рѣшителемъ; такъ онъ остановилъ царя Θεодора Алексѣевича утвер-дить проектъ наслѣдственныхъ штатгалтерствъ, на чтѣ мы указали въ изслѣдованіи объ историческомъ значеніи русскаго боярства до

конца XVII вѣка (Жур. Мин. Нар. Пр. 1886 г., мартъ, стр. 71 и 73). Но напрасно ему ставить въ заслугу избраніе на царство Петра; это дѣйствительно заслуга, но она вытекала изъ личныхъ расчетовъ патріарха и еще болѣе изъ того соображенія, что на сторонѣ семейства Милославскихъ стояли выдающіеся люди, которые искали сближенія съ Римскою церковью. Иоакимъ же, избирая Петра, не могъ предвидѣть, что избираетъ государя, который впоследствии будетъ опираться въ дѣлахъ церкви на кievскихъ ученыхъ, который откроетъ широкую дверь для входа въ Россію лютерской и кальвинской науки, который заставитъ переводить на русскій языкъ астрономію, съ изложеніемъ Коперникова ученія, однимъ словомъ—сдѣлаетъ все то, чего боялся и чего не допускалъ Иоакимъ ¹⁾).

¹⁾ При патріархѣ Иоакимѣ совершилось присоединеніе Кіевской митрополи, зависѣвшей непосредственно отъ Константинопольскаго патріархата, къ патріархату Московскому. Отецъ Гавриловъ (*Странникъ* за 1873 г., июль), въ статьѣ объ отношеніяхъ патріарха Иоакима къ кievскимъ ученымъ, старается доказать, что высшее малороссійское духовенство выказывало противодѣйствіе этому присоединенію не изъ политическихъ причинъ, а изъ опасенія московскихъ порядковъ. Но развѣ это не политическое соображеніе? Соединеніе объявлено на соборѣ въ 1685 г. Замѣчательно, что на этомъ соборѣ московскіе интересы поддерживали Мазепа и Полуботокъ. Въ числѣ условій, на которыхъ изъявлено согласіе соединиться, было и такое: право свободнаго печатанія книгъ въ Печерской типографіи и право ученія свободнымъ наукамъ на греческомъ и на латинскомъ языкахъ. Дѣло присоединенія не встрѣтило рѣшительнаго противодѣйствія со стороны Константинопольскаго патріархата только потому, что въ патріархатѣ шла смута. Въ концѣ XVII в. одинъ патріархъ смѣнялся другимъ, нѣкоторые вступали на патріаршій престолъ по нѣскольку разъ. Патріархъ Афанасій первосвященствовалъ только 14 дней; Паренія IV низводили и возводили на престолъ пять разъ, Діонисія IV—четыре раза. Этотъ Діонисій IV въ послѣднее свое патріаршество, продолжавшееся всего два мѣсяца, и далъ свое согласіе на присоединеніе Кіевской митрополи къ Москвѣ. При иныхъ обстоятельствахъ были бы иныя рѣчи, о чемъ можно догадываться изъ письма Досенія, патріарха Иерусалимскаго: „Вамъ понадобится“, писалъ онъ,—„чужая епархія, чѣмъ оправдаетесь передъ Богомъ и людьми? Вы думаете, что если Кіеву митрополитъ посвятится въ Москвѣ, то казави будутъ стоять добры, а если въ Кіевѣ, то не добры? Но не болѣе ли будетъ зла, когда христіане (греческаго исповѣданія), подвластные Польшѣ, перебегутъ другаго митрополита помимо вашего?“ Далѣе Досеній говоритъ еще рѣзче и съ нескрытою ироніей: „Пожалуй, вы самый Иерусалимъ захотите обратить въ вашу епископію, чтобы мы вамъ ноги мыли?“ Послѣ этого письма даже самъ Діонисій, какъ бы оправаясь, упрекнулъ Москву за беззаконія. Все это показываетъ, что при другихъ обстоятельствахъ дѣло могло дойти и до отлученія Московскаго царства. Вся вина серьезнаго етолкновенія легла бы всею тяжестью своею на патріарха Иоакима, у котораго всякое дѣло принимало крутой и жесткій характеръ.

Въ избраніи Петра находится точка соприкосновенія церковныхъ дѣлъ и умственнаго движенія съ политическими событіями конца XVII вѣка.

Причины, заставившія патріарха Іоакима такъ энергично и такъ послѣдственно устроить дѣло избранія Петра, отчетливо выясняются въ донесеніи іезуитовъ Георгія Давида и Тобія Тихановскаго изъ Москвы, отъ 12-го октября 1689 года, написанномъ по начальству, in fide sacerdotali, по свидѣтельству священническому, замѣняющему влѣтву. (Приводимъ вполнѣ заглавіе донесенія и книги, изъ которой оно взято, на которыя намъ еще не разъ придется ссылаться: *Brevis relatio revolutionis in regno moscovitico et expeditionis repentinae patrum Societatis Jesu, P. Georgi David, et P. Tobiae Tichanovsky Missionariorum Augutissimi Romanorum imperatoris, Moscuа, anno 1689, 12 Octobris, in fide sacerdotali conscripta A. P. David Kadzini, in limitibus Lithuaniae et Moscoviae*. Оно помѣщено въ „*Russische Studien zur Theologie und Geschichte, Herausgegeben von Dr. Moritz-Brühl. Erstes Heft: Das theologische Lehrsystem in der russischen Kirche von P. I. Gagarin S. J.*“). Въ этомъ донесеніи, конечно, каждое слово было взвѣшено, дабы въ Римъ къ генералу ордена дошли, черезъ посредствующія орденскія власти, свѣдѣнія точныя, не преувеличенныя о положеніи дѣлъ въ странѣ, въ которую означенные іезуиты были посланы или какъ развѣдчики, или какъ миссіонеры, или какъ то и другое вмѣстѣ. Въ донесеніи говорится, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ выказывалъ большое почтеніе къ римской религіи и особенно къ намъ, то-есть, іезуитамъ, такъ что впоследствии постановилъ бы непременно воздвигнуть для насъ и коллегію, и школы и уже назначалъ мѣсто, которое нынѣ занимаютъ греки, профессора латинскаго и греческаго языковъ ¹⁾. Только ранняя смерть Ѳеодора, говорится далѣе въ донесеніи,—разрушила эти святыя предначертанія (*sanctas designationes*); но царица Софья и князь Василій Васильевичъ Голицынъ были продолжателями этого дѣла, только въ тайнѣ (*sed admodum occulte*). Хотя отецъ Гагаринъ находитъ въ словахъ донесенія преувеличенія, но не можетъ однако показать, какъ далеко шли эти преувеличенія. Преувеличеніе тутъ есть;

¹⁾ *Horum imperatorum, (то-есть, царей Ивана и Петра) antecessor ac frater Theodorus magno fertur affectu inclinatus fuisse in romanam peculiariter nostram religionem, ita, ut designaverit nobis successu temporis et collegium et scholas erigere, jamque locum destinaverat, quem nunc occupant Graeci, latinae et graecae professores.*

но весьма приблизительная вѣрность этого свидѣтельства доказы-
вается слѣдующимъ: Вопервыхъ, близостію сторонниковъ латинскаго
образованія, Симеона Полоцкаго и его ученика С. Медвѣдева, ко двору
при Алексѣѣ Михайловичѣ и особенно при Теодорѣ Алексѣевичѣ, уче-
никъ Симеона. И Полоцкій, и Медвѣдевъ, хотя и не были тайными ка-
толиками, вслѣдствіе однако старались разрушить предубѣжденія противъ
Римской церкви; защищая свое мнѣніе о пресуществленіи святыхъ
даровъ Сильвестръ Медвѣдевъ выражается такъ: „Римляне многая
церкви святѣй восточной держатъ согласное и издревле пріятное, а
не новое. И того ради они за оно, яже со святою церковью издревле
преданная держатъ согласно, не суть достойны гажденія, но восхва-
ленія и яко о пресуществленіи, то Христово ученіе держатъ они
неизмѣнно и то они творять добръ, а не злѣ“. Вовторыхъ, бурю, кото-
рую подняли противъ іезуитовъ разныхъ сектъ протестанты, находив-
шіеся въ русской службѣ во время переворота 1689 г.; на эту бурю
указываетъ та же реляція, по словамъ которой еретики, какъ она назы-
ваетъ протестантовъ, выставляли московскому правительству іезуитовъ
единственною причиною страшныхъ междоусобій въ Англіи и Фран-
ціи, главными виновниками всѣхъ волненій на всемъ земномъ шарѣ
и говорили, что іезуитовъ всѣхъ, со всего земного шара, слѣдуетъ
собрать въ одинъ городъ, сжечь и такимъ образомъ очистить землю,
какъ бы отъ заразы. (*Omnes iesuitas debere in unam urbem compingi
et comburi, utque ex orbe toto veluti pestem eradicare*, то-есть, выр-
вать съ корнемъ). Изъ этихъ словъ между прочимъ видно, что пламя
религіозной вражды между католиками и протестантами, затихавшее
на западѣ, раздувалось въ Москвѣ, и раздувалось вслѣдствіе того,
что и протестанты, и католики, видя Россію, по ногамъ и рукамъ
связанную невѣжествомъ, оспаривали другъ у друга вліяніе надъ нею.
Значеніе протестантовъ и въ то время было весьма значительно въ
Москвѣ, что также высказывалось опасеніями Іоакима; сожженіе іесу-
соборцевъ Нордермана и Кульмана не должно на этотъ счетъ вводить въ
заблужденіе изслѣдователей, потому что этихъ визионеровъ преслѣдовали
сами лютеране, и о книгахъ, найденныхъ у нихъ, дали неблагопріят-
ный отзывъ пасторы Менке и Вагеціусъ. Втретьихъ, страхомъ патріарха
Іоакима, говорившаго: умри я, и вся Москва будетъ въ рукахъ іезуитовъ.
Товарищъ Голицына по приказу иноземныхъ дѣлъ просилъ іезуитовъ
указать, кто именно изъ протестантовъ поносить ихъ, дабы можно было
наказать; свое изгнаніе они приписываютъ отсутствію В. В. Голицына,
бывшаго тогда въ Крымскомъ походѣ, злѣбъ еретиковъ, то-есть, проте-

стантовъ, и ненависти къ нимъ Иоакима. Въ донесеніи есть любопытная замѣтка о казни Нордермана и Кульмана, которые называли себя іезуитами (іисусоборцами). Такъ, говоритъ донесеніе, — въ одно и то же время, въ Москвѣ, стерто было съ лица земли имя іезуелитовъ и іезуитовъ, *iesullitarum et iesuitarum* poмен. Это сопоставленіе ясно показываетъ, какую роль въ своемъ изгнаніи іезуиты приписывали протестантамъ, безъ помощи которыхъ едва ли бы Иоакиму удалось достигнуть цѣли. Конечно, этой помощи Иоакимъ не просилъ, а протестанты не предлагали, и единодушное дѣйствіе ихъ обуславливалось общею ихъ враждою къ іезуитамъ. Хотя переводчики изъ посольскаго приказа выставляли Иоакима единственнымъ виновникомъ изгнанія іезуитовъ, но это потому, что содѣйствія протестантовъ они оцѣнить не могли. Въ словахъ переводчиковъ особенно замѣчательна высказанная ими мысль, что Иоакимъ могъ взять верхъ только благодаря отсутствію кн. В. В. Голицына, что дало патриарху возможность перетянуть на свою сторону многихъ бояръ ¹⁾. Значить, прежде они не были враждебны пребыванію іезуитовъ въ Москвѣ.

Такихъ усилій стоила Иоакиму борьба съ іезуитами въ 1689 г., когда партія Софьи уже колебалась вслѣдствіе борьбы ея съ мачихой. Что же было бы, еслибы въ 1682 г. на престолъ сѣлъ прямо Іоаннъ Алексѣевичъ подслѣповатый, больной, слабоумный, при которомъ партіи Милославскихъ не кого было бы опасаться? Посмотримъ же, какъ патриархъ Иоакимъ провелъ дѣло объ избраніи Петра.

Событія перваго дня по смерти царя Θεодора Алексѣевича, то-есть, 27-го апрѣля 1682 г., съ 13-го часу дня, показываютъ, что патриархъ Иоакимъ не дремалъ. Едва Θεодоръ Алексѣевичъ закрылъ глаза и кончился обрядъ прощанія съ покойникомъ, послѣ котораго присутствовавшіе одинаково цѣловали руки у обоихъ царевичей, у Іоанна и Петра, патриархъ вышелъ въ переднюю и спросилъ: „Кто же изъ двухъ царевичей будетъ царемъ?“ На этотъ вопросъ послѣдовалъ разумный и правдивый отвѣтъ: таковой-де вопросъ долженъ быть рѣшенъ людьми всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Иначе и быть не могло, если не хотѣли повторить времена Василія Ивановича

¹⁾ Comparauerunt ibidem (въ домъ польскаго посла) duo praecipue interpretes qui identidem culpam in patriarcham reiciebant, tanquam unicam causam nostri discessus, cui nemo absente Galitzinio audet se opponere et qui potentissime apud omnes bojarinos egit, ut *in suam partem eos pertraheret*. Potentissime apud omnes bojarinos egit—значить, дѣло было нелегкое, требовавшее многихъ усилій.

Шуйскаго съ нѣкоторыми варіаціями. Что же сдѣлалъ далѣе Іоакимъ? Патріархъ вышелъ на крыльцо, велѣлъ всякихъ чиновъ людямъ собраться на площади передъ церковью Спаса и спросилъ: кому изъ двоихъ царевичей быть на престолѣ? Раздались крики: Петру Алексѣвичу! Но въ то же время раздались и другіе крики: Іоанну Алексѣвичу! Послѣдній голосъ принадлежитъ дворянину Сумбулову и его единомышленникамъ. Сторона Петра перекричала на площади; но въ то же время получено было ею серьезное извѣстіе: креста Петру не дѣловали стрѣльцы Александрова приказа Карандѣева. Тогда къ стрѣльцамъ приказа Карандѣева послали окольного князя Щербатова, да думнаго дьяка Емельяна Украинцева, уговаривать означенныхъ стрѣльцовъ присягнуть Петру Алексѣвичу. Стрѣльцы присягнули. Казалось все обошлось благополучно; но только казалось. Соловьевъ (И. Р., т. XIII, стр. 322; изд. 1870 г.), рассказывая объ этихъ событіяхъ, дѣлаетъ замѣчаніе о томъ, что подразумевалось подъ словами Московское государство? „Подъ Московскимъ государствомъ, въ тѣсномъ смыслѣ“, говоритъ историкъ,—„разумѣли обыкновенно одинъ царствующій градъ: такъ, по крайней мѣрѣ, было понято тутъ“. Но вопросъ именно въ томъ и состоитъ, почему въ такомъ, первостепенной важности вопросѣ, какъ избраніе царя, слова „Московское государство“ приняты были въ тѣсномъ смыслѣ? Вопросъ былъ тѣмъ серьезнѣе, тѣмъ важнѣе, что рѣшеніе его было не совсемъ просто. Іоаннъ былъ и слабъ физически, и скорбелъ головою, какъ говорили современники, но за него стоялъ обычай первородства сильнѣе всякаго писаннаго закона, и въ виду этого чрезвычайно важнаго обстоятельства самая очевидность возможности смуты требовала бы понять слова „Московское государство“ въ обширномъ смыслѣ, то-есть, созвать земскій соборъ въ полномъ его составѣ и отдать на рѣшеніе его столь важный вопросъ. Болѣзненность Іоанна и его неспособность были столь очевидными фактами, что избраніе Петра земскимъ соборомъ было бы дѣломъ несомнѣннымъ, особенно подъ вліяніемъ патріарха. Но главная бѣда заключалась въ характерѣ Іоакима, который не любилъ совѣщаній, особенно съ большими собраніями, напротивъ все любилъ рѣшать единоличною волею своею; восторжъ, въ его опасеніяхъ на счетъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны Милославскихъ, особенно же со стороны его церковныхъ противниковъ. Противная сторона была сильна; но едва ли бы она рѣшилась на какой-нибудь насильственный переворотъ въ виду земскаго собора, съ которымъ одновременно могло быть при-